

Айгүл

Кемелбаева

КОКЕНАЙ И КАЛКАМАН

Посвящаю памяти Ануарбека Исаханулы

Изгнанником стал Калкаман
Ради одной-единственной девушки.
Шакарим. «Калкаман-Мамыр»

На небосклоне зажглась яркая звезда. Калкаману приснился предок, что был в роду древнее вышедших из седьмого колена. Он переехал верхом на лошади через перешеек пролива и исчез за горизонтом. Голова его коня была покрыта плотной попоной. Калкаман последовал с двумя конями за одиноким всадником.

Калкаман ходил по берегам Сырдарьи вместе с Итбака, который был его ровесником, рано осиротел, разлученный с матерью, а отца потерял в бою и, будучи мальчиком с печалью в сердце, причислял себя к алгадаям – воинам-смертникам. По древнему казахскому обычаю, еще при жизни по алгадаю совершают заупокойную молитву. Так или иначе – рожденному смерти не миновать, и малолетний сирота был готов умереть с яростью на поле сражения.

Друзья были неразлучны. Это он, Итбака, отдал ат суйек¹: заменил убитого в ожесточенном бою с джунгарами под Кокенаем коня и спас батыра от верной гибели.

Джунгарские войска уже были готовы двинуться. Но, как потрескавшийся лед, тронутый вешними водами, недобрую весть спешно доставил гонец по дороге верхним аргынам и найманам. Зимой казахи были в более безопасном положении, а с приходом весенней поры, вместе с зовом кукушек в рощах, вражеские набеги возобновлялись.

Киргизы на белой горе отдавали хунтайджи² своих лошадей косяками, полностью снарядив сбруями, седлами, упряжью, кроме того, они снабжали джунгарские войска оружием и продовольствием. Всё это тайком передал караул уйсунам из старшего жуза. Киргизы сочли наиболее близкородственным народом джунгар-калмыков и дали клятву содействовать им в кровопролитном походе. Казахские

¹ Отдать ат суйек – оказать помощь конем, подхватить прославленного воина, у которого в бою гибнет конь, и посадить на другого коня.

² Хунтайджи – правитель Джунгарского ханства.

племена, жившие в Семиречье и у подножия Каратау, сильно натерпелись от набегов джунгар, устав постоянно спасаться от смерти.

Отважные юноши Калкаман и Итбака и во сне не расставались с боевым оружием. Они частенько бродили по степи, вольничали и охотились, становясь батырами.

Некто стремительно бегущий, то ли дервиш, то ли разбойник, лихо вспугнул дроф – крупных птиц, обитавших во множестве в этих местах. Юноши, мирно валявшиеся на траве, подняли голову.

– Здравствуйте, благородные мальчики! – приветствовал их дервиш. – Упаси от бед брэнного мира! К гнили мошкара липнет.

Дервиш прилег рядом, вытянувшись на лужайке, и, подложив под голову переметную суму, мигом заснул и захрапел. Также быстро проснувшись, странник, озираясь, заговорил:

– Тому свидетели наши давние предки, жившие в горах Карахана³: в старину на этой благороднейшей земле жил и благоденствовал почтенный бек Итбака!

Вздрогнул от этих слов Итбака. Ему показалось весьма удивительным, что незнакомец назвал его имя.

– Я гол как сокол, нет у меня ни кола, ни двора, ни семьи, ни добра, не имею ничего, кроме коржуна, – продолжил свой рассказ дервиш. – Сплю на сырой земле, укрываюсь листьями, живу тише воды, ниже травы. Кочевье кормит дервишей. Дети мои, совершенный ритуал отпевания как по покойникам иногда толкает на безрассудную храбрость. Вы в бою подобны ястребам, беспощадно истребляя джунгар. И враг будет проклинать вас, как палачей. Много бед вам суждено пережить на белом свете.

– Всего не скажу, что мне везде мерещится могила Коркыта⁴, ибо не грозит гибель гонцу. Возможно, лик смерти напомнит всего лишь блеснувшую молнию, – гордо ответил Калкаман.

– Я иду к святой могиле деда Коркыта, – изрек дервиш. – Великий путь кочевья начинается с Сырдарьи. На челе каждого из вас есть знак свыше. Вы – самые храбрые из молодцов. Вы оба не станете повиноваться старейшинам рода и за это будете нести тяжкое бремя судьбы. Вам не видать мягких постелей из овечьих шкур, кочки будут вам подушками, вы будете жить одиноко, как куланы, отлученные от косяка.

Дервиш повернулся багровым от солнца и ветра лицом к Калкаману, и взгляд его стал пронизывающим и холодным:

– Ты благороднейший сын в роду. Гонит девка молодца, а сама прочь не идет. Твое имя не забудется, как свеча, зажженная Коркытом. Терпение станет твоим мужеством.

Дервиш заиграл на курае. Душераздирающий плач и протяжные причитания взмыли в поднебесье. Когда песня оборвалась, странник проговорил дрожащим, как волосяная струна, голосом:

– В стародавние времена, когда Сырдарья называлась Кызыл-Дарией, когда ее воды пересекали гигантскую пустыню Каракум, – по милости и благоволению всемогущего Тенгри русло реки не пересыхало. Однако река настолько обессилела, что не текла, а сочилась горючими слезами. Когда наши предки обитали в

³ Свидетели тому предки наши в горах Карахана – старинная присказка.

⁴ Куда ни пойдешь, везде Коркытова могила – казахская пословица о брэнности жизни.

горах Карахана, река Сырдарья впадала в море Кердери⁵, а предки наших предков называли это море Огузским.

Те времена были свежи и первородны, как молозиво, те времена явили Коркыта. Эх, золотая была пора! У берегов Сырдарьи некий раб⁶, чья добрая душа сильно и страстно желала свободы, увидел во сне предзнаменования Тенгри. И подал Тенгри любимому рабу божественный знак. Неведомо, какая неимоверная сила создала радугу, окрашенную в семь цветов, перенятых от звезд. Неведомо какая мощь, сгибая радугу в дугу, повернула русла и воды двух рек – Сырдарьи и Амударьи, текущих в Хазарское море. Многие неведомо простым смертным. Но сбылось прорицание Тенгри, хватило сил у любимого раба Аяз-бия, – и повернули реки в море Кердеринское. Когда сливаются земля и небо – возносится душа человека. С тех пор эта окрестность стала заветным обиталищем – землей отцов, местом спасения для девяноста племен ногайли⁷ с родовыми богатырями в годы лихолетья и смятения. Это Туран, ваше пристанище.

Вместе они добыли дрофу, вместе вырыли земляной очаг и развели огонь. На закате вечерняя заря окрасила округу в алые тона, в очаге звездочками горели раскаленные саксаульные угольки.

– С тех самых пор мой народ называет Сырдарью «Великой матерью» и прибегает в ее лоно укрываться от нашествия свирепых врагов, наступающих со всех сторон. Бетпадала защищает сайгаков и казахов от беды, – продолжил свое повествование дервиш. – Тихая, глухая пустыня дает укрытие и покровительство. Это знает бродящий суфий, да еще и перекасти-поле! У переселившегося народа закружилась голова. Покуда живы, люди видятся друг с другом. Где ваши огромные саба⁸, в которых мог бы уместиться и поплавать стригунок? Где туурлыки⁹ из черного горностая? Остались в Черном Иртыше и в Ишим-Нуре, когда народ покинул берега? Грабители сложили головы на воровской дороге. Внутренности джунгарских налетчиков с потрохами разодрали голодные собаки.

Знающий – поймет, непосвященный – узнает. Скопление звезд на небе еще до зарождения жизни на земле осветило величие Тенгри. Дух не знает границ, – отрывисто забормотал дервиш. – В Туркестане покоится прах духовных наставников. Человек прозревает. Избранные тоже найдут последнее пристанище там. В один миг поразило огненной молнией летящих вереницей гусей, просыпались мертвыми на землю семьдесят душ! Диву даюсь золотой стреле, поражающей птиц на лету! Дурное предвесье! Джунгары перебьют в бесчестном побоище тьмы мирных казахов. Ибо за сорок лет грозит возмездие всем – и смиренного постигнет кара.

Во время ужина дервиш не проронил ни звука, а когда лег спать, беспокояно и долго переворачивался с боку на бок на подстеленной траве. Рано утром проснувшиеся юноши не увидели его на прежнем месте – странник бесследно исчез. Но туманные и зловецкие пророчества остались на сердце юношей как незарубцевавшаяся рана.

⁵ Кердеринское море – изначальное название Аральского моря.

⁶ Некий раб – в казахских легендах Аяз бий изменил русло двух крупных рек Средней Азии.

⁷ Ногайли – этноним, старинное название казахских племен.

⁸ Саба – большой бурдюк из выделанной прокопченной конской кожи для приготовления и хранения кумыса.

⁹ Тууырлык – кошмы, которыми прикрывают юрту.

Среди племени аргын, чья родовая тамга изображена в виде глаз, род тобыкты жил на гриве коня, на горбе верблюда, жил суматошно и чутко, в состоянии вечной тревоги.

«Наш народ – аргын-ногай», – говорили в старину. В смутные времена частых набегов воинственных иноверцев казахи заворачивали своих новорожденных младенцев в помет кулана или пеленали зелеными травами. Детские колыбели почти не снимались с лошадей. Племена были всегда наготове, чтобы сразу тронуться с насиженных мест.

Джунгары прогнали с родного Алтая и Ишима казахские племена найманов и кереев. Выжигая огнем и пожаром всё живое, заняли верхнюю пологую часть взгорья Арки¹⁰. Только бегство спасло род жети момын¹¹. Будущий верховный жрец, родоначальник тобыктинцев Анет баба тогда был семилетним мальчиком росточком с мизинец. Его посадили верхом на седловину верблюда, так он и достиг нижнего течения Сырдарьи. С тех самых пор прошло ни много ни мало семьдесят семь лет. Набеги джунгар не прекращались. Казахи пережили самые страшные времена, число народа сократилось на треть. В мирные времена казахские аулы имели тучные стада и табуны. От дневного водопоя мелели реки, а утром заново наполнялись водой из неиссякающих источников благодатной земли.

Аргын-кыпчак, найман-конырат, керей-уак не смогли удержаться на Ишим-Нуре, на равнинах и взгорьях просторной Сарыарки, поросшей густыми зарослями тугаев. Окончательно отчаявшись, шесть племен среднего жуза пустились в бегство, перекочевав поближе к своим – уйсунам из старшего жуза и алшынам из младшего жуза. Эти земли Уш Кияна – Тюлькибасы, Казыкурт, Жидели-байсын, Козыбасы, Шу, Семиречье – простирались на юге.

Перелетные птицы, пролетевшие над Тырнауызом¹² через Кавказские горы, осели у берегов Сырдарьи. С того момента Мамыр, дочь Байгазы, очень преобразилась. Птенчики гусей-лебедей на озерах, поросших густыми зарослями камыша и рогазы, до наступления холодов и отлета в теплые края ни на шаг не отходят от своих матерей. Так же Мамыр, как лебеденок, не расставаясь с родителями, засиделась в отчем доме. Время выдавать замуж девушку уже прошло свой пик, а люди не осмелились посватать единственную дочь богача, чтобы не вызвать его гнев. Отец воспитал дочь, как сына. С древних времен правителя Алаша хана этот народ выращивал бесчисленные табуны лошадей в степи. Мамыр с луком на спине пасла лошадей в холмистой местности, где зима мягкая. Родня, жалая Байгазы, вздыхала: «У него нет хвоста и гривы», – что означало «нет наследника». Но об этом никто не смел говорить вслух.

Мамыр была отличным табунщиком. Согнав лошадей в табун, оставляла их на сильного жеребца и трусила рысью в свой аул. У хорошего жеребца косяк цел. И однажды повстречала Мамыр на своем пути двух юношей. Одним из них оказался Калкаман, самый младший из сыновей Айтека, брат Олжая. Мамыр была лихой наездницей, как и многие степные девушки, проявлявшие мастерство верховой езды с рождения, сидела верхом отлично, чуть надменно, не уступая в верховой езде джигитам.

¹⁰ Арка, Сарыарка – центральная часть Казахстана.

¹¹ Жети (семеро) момын – Момын, младшая жена Аргына, и семь родов, произошедшие от семерых сыновей матери Момын: канжыгалы, тобыкты, карауыл, атыгай, басентин, байтимбет, жанай.

¹² Тырнауыз – ущелье в Дагестане.

Итбака захотел похвастаться джигитовкой, увидев девушку, одетую по-мужски. Он первым дернул поводья и пустил коня вскачь. Бескрайняя равнина, благоухающая травами, звала и манила молодых на байгу. Топот лошадиных копыт тут же увлек за собой остальных всадников. Молодежь сломя голову неслась, летела на конях, подобно птицам над степными просторами.

Когда старшие отбыли на поминки в соседний аул, молодежь устроила бастангы¹³. Мамыр блистала юной красотой, изящными манерами. Изменив прежний образ, она предстала пред всеми в девичьем уборе. Сверстники глазам своим не поверили. На пальце – перстень с птичьим узором, в ушах – серебряные серьги-алка, в ее косе звенели подвески-шолпы. Юношей и девушек потрясла эта внезапная перемена. Отец ее вырастил как мальчишку, и она еще вчера не признавала никаких украшений.

Ее мать недавно побывала у своих родичей из найманов, что возле Сырдарьи, и в их юрте выщипала несколько небольших пушистых перьев с ног ночной птицы филина, а возвратясь, пришла три пера к тубетейке дочери. Удивительно, но такие же перья колыхал ветерок и на шапке Калкамана.

В летнюю лунную ночь играли в аксуйек¹⁴, и у Калкамана загорелись глаза в темноте:

– Девушка с перьями, ты мила, как пушистый гусенок, – произнес он. – Увы, дочь моего дяди Баке, моя сестренка Мамыржан, наши узы – родственные узы.

Мамыр с гордым видом улыбнулась:

– С этим не поспоришь, Калкаман. Я и впрямь не из тех невест, которых обычно ищут в далеких аулах.

Как только с ее уст сорвались эти слова, словно огнем полыхнуло сердце юноши, душа вспылала – и Калкаману стало невыносимо больно от жестокой истины. Он был прекрасен, как Юсуп в сказании. Увидев его лицо, Мамыр погрузилась в глубокую печаль и задумала невозможное.

Все мысли, все сокровенные желания девушки были обращены к возлюбленному, и она первой произнесла слова отчаянного признания:

– Если ты станешь моим суженым – я буду благодарна Всевышнему в двух мирах. Не мы первые нарушаем священный степной закон, не позволяющий женитьбу между родственниками до седьмого колена! Если скажут, что я завтра умру, всё равно не откажусь от тебя! Что ты на это ответишь, мой милый?

Калкаман вздрогнул от жгучей мысли: «И мне без любимой белый свет не мил!»

Влюбленные встретились в сумерках далеко за аулом, в непогоду. Калкаман хотя и не думал идти на попятную, но посчитал мужским долгом отговорить девушку от пагубных шагов:

– Балаказ¹⁵, Мамыржан, любимица моего дяди Байгазы, – он сидел верхом на коне и смотрел ей в глаза, – ты сама знаешь природный закон табуна, по которому жеребец прогоняет из своего косяка молодых кобылиц. Даже лошадям

¹³ Бастангы – угощение, устраиваемое девушками и молодыми женщинами для своих сверстников при отъезде, в отсутствие старших в семье.

¹⁴ Игра в аксуйек – название казахской национальной игры, играют в летнюю лунную ночь; один из участников далеко забрасывает белую кость, а остальные, разделившись на две соревнующиеся группы, ищут ее; преодолевая сопротивление противников, один из игроков старается первым доставить ее к месту; игра является поводом для уединения молодых пар.

¹⁵ Балаказ – буквально: гусенок.

чужда кровосмесительность, ведущая к вырождению породы. Наши предки блюли закон, береглись и опасались неизбежного вырождения, худого рода и хилых потомков. Как же нам скрывать от людей, что мы с тобой одного рода-племени?

– Калкаман, зачем мне воля других, я сделала свой выбор, душа моя! Ты мой возлюбленный в этой брэнной жизни, твой благородный образ мне мил и дорог больше всего на свете. Хотя я родилась девочкой, мой отец любил меня как сына. А я до сих пор не задумывалась о том, что я гостя в родном доме. Парила в мечтах, подобно горному орлу в небесах, жила-поживала, как душа желала... Сколько еще продлится эта свобода? Мне уже пятнадцать. Ты тоже не посватал себе невесту. Нам не избежать брачного закона степи. Если уже невидимо от нас проведена линия судьбы, мы не можем противиться.

Грозовые тучи окутывали небеса. Яркие просверки молний слепили своими отблесками подлунный мир. Оглушительные раскаты грома сотрясали степь до самого основания. И только влюбленную девушку неудержимая стихия привела в безумный и дикий восторг. Она готова была умереть на месте от полноты чувств прежде, чем ее сразит своими огненными когтями вспышка молнии, подобная мифическому дракону.

На озерах, окаймленных буйной растительностью, гнездятся перелетные птицы: журавли, выпь, серые цапли, утки и гуси. Сезонный шум и гомон пернатых не утихает ни днем, ни ночью.

Калкаман и Мамыр встретились вновь среди густых камышей в Бориойнак¹⁶. Пушистые венчики камышей колышутся под мягким ветерком. Табун остался, как всегда, под защитой брыкливого жеребца.

– Знаю, что творится у тебя на душе. И в самом деле, это неслыханная доселе дерзость. Говорят, никто из тобыктинцев не осмеливался жениться внутри своего рода, – завела разговор Мамыр, поглядывая на любимого красивыми раскосыми глазами. – Я всё листаю страницы прошлого... Четвертый потомок Тобыкты – это наш с тобой прадед Сары, от него родилось четверо сыновей: Мамбетей, Умбетей, Мамбетсопы и Кишик. От Мамбетей родился мой отец Байгазы, от Кишика родился твой отец Айтек, таким образом, они приходятся друг другу троюродными братьями, внуками одного деда, так же и мы с тобой являемся правнуками своего прадеда, детьми из одного корня. Не кори меня в том, что я, будучи девушкой, затронула родословную. Наши деды по отцовской линии родились от одного отца. Наше родство восходит к четвертому колену, что смертельно огорчает меня. Скажу тебе, сегодня от найман прибыл посланник в нашу юрту и повесил плеть с серебряным шейным изгибом на почетное место. Отец мой не вернул ее обратно. Это означает помолвку. Сосватанной девушке нельзя делать предложение. Ты согласен с этим?

– Милая Балаказ, я принесу себя в жертву ради тебя! – ответил Калкаман приглушенным голосом. – Если ты станешь моей, все остальное будет ложью. И Пророк не смог предвидеть грядущего и неведомого.

Анет баба¹⁷ приснился страшный сон. Появился вестовой у дверей, за порогом. Он принес дурную весть:

¹⁶ Бориойнак – топоним, местность, буквально: где режутся волки.

¹⁷ Баба – прадед, предок. Прибавляется к личному имени – чаще исторических лиц – в знак почтения, уважения.

– Отец, Кокенай батыр оповещает, что священный закон Мудрого Жанибека, не допустившего брак до седьмого колена, нарушен собственными отступниками, опозорившими наш род жети момын несмываемым бесчестьем. Батыр говорит, что убьет обоих, совершивших безумство. Олжай и брат Байбори горюют ужасно. Они спрашивают: быть может, Калкамана с девушкой отправить в бегство?

– Сынок, не горячись, говори не спеша о случившемся.

– Калкаман и Мамыр тайно обручились! Кокенай батыр приказал, чтобы мамбетей и умбетей¹⁸ наказали негодницу и чтобы также поступили люди со стороны кишика, если дорожат честью. Вот что я пришел сказать, отец. Язык без костей, не суди меня строго!

В прошлом дед Мудрого Тауке хана по прозвищу Высокий Ер Есим¹⁹ совершил набег во владения правителя Ташкента Турсына из племени катаган, а его дочь Конырбике он отдал Сары в младшие жены. Конырбике – мать Кишика и Мамбетсопы. От его байбише – старшей жены – родились Мамбетей и Умбетей.

Анет баба, восьмидесятилетний старец, с горечью в сердце, крепко зажмурил глаза, сидел на текемете²⁰. Его потрясла эта весть, дело приняло плохой оборот. Калкаман и Мамыр сошлись... Это был сокрушительный удар. Родным младшим братом почтенного старца был Айтек, его сыну Калкаману исполнилось шестнадцать лет. От первой жены Айтека родился Олжай, от второй жены – двое сыновей: Байбори и Калкаман. Кокенаю, сыну Умбетей, было лет под шестьдесят. Он часто устраивал набеги на джунгар ради кровной мести. Вся его жизнь проходила в боевых походах, заставлявших мужей отсыпаться на коне, опираясь на копьё, и состояла эта жизнь из смертельных схваток с врагом.

Грозный Кокенай, восседавший на светло-сером коне, был чертовски упрям и безрассуден в ярости, как многие свирепые мужчины. Он никогда не отступал от своего намерения. Наставник трех жузов Анет баба был вождем Средней Орды, он благословил молодого Толе, бия²¹ из рода уйсуней, намеренно прибывшего с этой целью к нему. Анет баба окончил духовную учебу в Ташкенте и, как богослов, был весьма сведущ в естествознании. Лучезарно-одухотворенный облик старца, будто он купался в молоке белой кобылицы, искажился болью от неожиданного известия. Старец был оскорблен, был растерян и подавлен. «О, боже, разве не гласит поговорка: еле заметен полет совы, глубоко скрыт проступок юности. Моей кровинке, моему племяннику Калкаману отныне грозит большая опасность. Зверь и враги нападают в темноте. Что же мне делать?! Если кулан упадет в колодец, тогда лягушка станет жеребцом», – предавался старец безутешному горю.

При встрече наедине со своим двоюродным братом Кокенаем чаяния старца о примирении оказались напрасными. Батыр вовсе не думал идти на уступки. Кокенай отверг предложение старца, при котором мамбетей, кроме калыма за невесту, получит кун²² сверх положенного, то есть выкуп за двоих.

– Я передаю безумный поступок Калкамана на суд кадия²³. Свою единственную дочь Байгазы не ограничивал ни в чем и давал ей полную свободу. Дайте

¹⁸ Мамбетей и Умбетей, Кишик – имена людей. По казахскому обычаю после нескольких поколений имена конкретных людей становятся названием их рода.

¹⁹ Высокий Ер Есим – в народе так его называли за рост.

²⁰ Текемет – большая кошма с узорами, расстилается в юрте.

²¹ Бий – судья, разбирающий спорные вопросы по обычному праву казахов.

²² Кун – *уст.* плата, выкуп за убийство или увечье. В то время кун отдавался скотом.

²³ Кадий – судья, должностное лицо, решающее дела в суде на основе законов шариата.

и мне свободу выбора. Я накажу ее сам. Если ей суждено умереть – она умрет, значит, так богу угодно. Не стану лукаво выражать снисхождение к сраму ради родственного долга. Это чревато дурными последствиями для всего народа, это – начало беды. Без присмотра оставленных лошадей увлекут дикие куланы. Для мужчин порой исходит угроза от женских чар, словно от змеи, свивающей путы и бездумно жалящей. Разве ты не вправе запретить этим вздорным, взбалмошным молодым преступные деяния, которые опозорили всю семью, весь наш род, отец? Время от времени мы несем большие потери от набегов соседей. Враг не дремлет, не дает нам жить спокойно и мирно. Так не стоит будоражить народ, не годится разлагать его изнутри, сеять разногласия в преддверии неудачных испытаний, – заявил богатырь, крепко держась за ножны, будто произнес клятву.

– Кокенай, будь спокоен, Коран гласит: по шариату разрешается брак внучатой родни. Человечество первоначально произошло от одной-единственной пары, от одной капли крови. Увы, неприлично, что у потомства отца Адама и матери Хавы имеется кровосмешение, которое не чуждо многим народам, но не нам. Однако казахи осуждали и осуждают этот грех... И мне, и тебе ведомо, что престиж и воля мужчины – сделать брак чистым и достойным, – говорил убитый горем Анет баба и отводил глаза.

– Отец! Ей-богу, ты позволяешь завистливым сородичам говорить обо мне как о кровожадном тобыктинце, и заставляешь меня огорчаться. Взаимные браки не позволены до седьмого колена. Нельзя сказать, что это им было неизвестно! Они нарушили святой закон Мудрого Тауке хана! Если я не заставлю раскаяться этих необузданных смутьянов, пусть меня не именуют Кокенаем!

– Не стоит клясться, хоть это сушая правда, слова священны! Эти двое – твои брат и сестра по крови, а не кони для заклятия.

– Зря говоришь, отец! Жениться на собственной сестре – это не прихоть и не баловство, а страшное преступление. В этом краю еще не перевелись невесты, Калкаман глумится, оскорбляя традиции отцов своим поступком!

Анет баба понял, что для Кокеная молодые люди словно сгнившие яйца, он был готов их выбросить из родового гнезда, и старец во что бы то ни стало решил спасти Калкамана. Был еще веский довод: женщин он считал одним из семи сокровищ в жизни; как говорят в народе, первое богатство – здоровье, второе – жена.

– Малочисленный род тобыкты еще не выродился. Отец, кто лучше тебя знает законы шариата? В Коране запрещается жениться на своих матерях, дочерях, сестрах. Отрекись от позорного сородича!

Слова упрека Кокеная дошли, что называется, до костей, заставили горевать старейшину Анет баба. Он еще больше опечалился. Мать Кокеная была наполовину калмычкой, видать, чужая кровь сказывалась.

В 1647 году калмыцкий хунтайджи Улалы обезглавил на поединке предводителя Средней орды Кожабергена. Беременная жена Кожабергена попала в плен к врагу – в рабство. Двое младших братьев Кожабергена, сыновья Суюрбаса Али и Сары были тогда подростками. Через 13 лет, взяв в товарищи батыра Олжаса из рода аргын, Сары победил в поединке Улалы и таким образом отомстил за гибель своего брата Кожабергена. Рожденную от трофейной жены-казашки единственную красивую дочь Улалы Сары отдал в жены своему второму сыну от старшей жены Умбетю. От Умбетю родился Кокенай, его имя Кукнай по-калмыцки означает «зеленый опий».

Знаменосец Мудрого Тауке хана, прославленный герой, участник военных походов правителя Салкам Жангира, отважный Кокенай с малых лет крепко сидел в седле, был умен, бесстрашен и беспощаден в боях с заклятым врагом – джунгарским войском под стягами с конским волосом. Кокенай был ярим защитником своих границ, месяцами и годами сражаясь против завоевателей на окраине казахских земель. Он стойко переносил невероятные испытания, тяжелейшие раны и разлуку с родным домом.

Через месяц проклятие сбылось: роковая стрела из лука Кокеная вонзилась в самое сердце Мамыр. Печальная весть об убийстве племянницы родным дядей быстро облетела семь племен момынов, пять мейрамов²⁴, соседей из рода найман и керей. В последний миг Мамыр, еще, по сути, дитя, затрепетала словно гусенок, не успев выговорить слова «мама», угаšla в своей тихой красоте, едва распустившись, подобно степному цветку.

Среди двенадцати родов аргына – каракесек, канжыгалы, басентиын, атыгай, карауыл, тобыкты – прошли курултаи. Потомки Сары бия разделились на две стороны. Остальные вынуждены были молча наблюдать за прискорбной историей. Нейтральным посредником в споре, при решении тяжбы, стал Ишпек бий, прославленный своим красноречием, сородич тобыкты из рода канжыгалы.

– Уа, здравствуй, мудрец наш Анет баба! Почтенные беки, слушайте! – начал Ишпек громким голосом. – Молодой Калкаман и несчастная Мамыр своим дерзким поступком нанесли своему дяде, доблестному Кокенаю, смертельную обиду. Позор горше, страшнее смерти. Род момын благородного происхождения, он не был рожден от безродного привезенного раба, усаженного на шаныраке, никто не может бросить упрек им в лицо. Но наши соседи, но кыпчаки с пятью тамгами, найман, конырат, керей, из уйсуньской орды албан, канлы, ысти, шанышкылы, живущие рядом кете-шомекей из рода алим, табын-тама из рода жетиру, байулы, – весь род алшын, каракалпаки, башкурты, и другие народы...

Разве наш спор не дойдет до всех тюркских племен? Благородство, унаследованное от Огуза, – вот что нам присуще. Разве девушка не рождена для чужого рода?! Разве нам хотелось быть свидетелями доселе не виданного срама, когда берут в жены собственную сестру?! «Не берите в жены из своего рода до седьмого колена, свято сохраняйте заповедь, иначе род захиреет, даст потомство слабое, незначительное, не примечательное ничем». Так завещали наши великие предки. Эта скорбь тоскливо душит твою грудь проклятием в старости. Я не подстрекаю, слова мои сказаны не ради злорадства. Мы – сородичи, собратья из родов канжыгали-тобыкты. Мудрый старец, Анет баба, ты святой человек, духовный наставник. Будь справедливым, не раскисай, не заставляй свой растревоженный народ унывать еще пуще, суди беспристрастно и найди достойное решение! Душа героя – в своем народе, человек лишь на родине – человек. Паршивую овцу – из стада вон. Безнравственные, бесовестные юноша с девушкой заслуживают суровой кары. Коли малочисленный род тобыктинцев распадется на две части и одна из них переселится подальше от родни, что тут поделаешь? Обидится, откочует – таков порой нрав казаха. Дурной поступок твоего племянника смывается лишь кровью, поэтому доблестный Кокенай восстал против применения наказания выплатой. Если старец готов оберегать наши обычаи, тогда пусть он предаст проклятию дурной пример. Этот случай – вовсе

²⁴ Пять мейрамов – сыновья Аргына, рожденные от старшей жены, и рода, происходившие от них: куандык, сюиндик, бегендик, шегендик, каракесек.

не распря из-за сосватанной невесты, это поистине изгнание беса! Твой род изначально прославился доблестными мужьями, благородством, избранничеством. Если один род слабеет из-за кровосмешения, ничего не останется, даже следа матерой волчьей натуры, явно сохранившей его, ибо хилое потомство обречено на погибель. Калкаман – твой родной человек, тем не менее, ты должен прежде всего заботиться о народе, мудрый старец!

– Калкаман для меня – милый мальчик, свет очей моих! Разве я смогу отдать его на растерзание? – сказал Анет баба, еле живой. – Что бы кто ни говорил – не стану я живьем сводить юнца в могилу!

– Он не единственный человек мужского пола из тобыктинцев, кто станет жертвой ради блага других, ради чистоты нравов. Сокольник, обучающий ловчих птиц, знает, что беркут гнездится на отвесной скале и выбрасывает одно из яиц. Кокенай волей-неволей убил свою родную племянницу Мамыр, такой вердикт вынесли братья мамбетей и умбетей. От вас требуется такой же жесткий приговор. Иначе мы не будем жить в мире, сородичи угрожают вам враждой, не будет никакого примирения. Все вы являетесь правнуками одного человека, вы – потомки деда Сары, желаешь ли ты, старец, взаимной вражды, быть с ними в ссоре? – настаивал Ишпек бай.

– Пускай это будет потеря, и хотя он твой любимец, но если ты отпустишь Калкамана без наказания, то понесешь ответ перед богом и перед людьми и опозоришься навек. Стыд и срам! Берегись худа, как огня. Стоит пожертвовать малым ради большого.

Анет баба очень утомился от нескончаемого спора, но ревностно защищал племянника:

– Травы отечества, благоухающие от лучей щедрого солнца, лучезарное тепло от света, проникающего в наши сердца, смягчают душу, сияние свыше передается человеку. Это свет жизни, а не смерти. Не торопись изувечить близкого. В милосердии и сострадании кроется спасение душ. Аллах любит человечность. Горька печаль невинного. Закидать камнями велите? В молодые годы, будучи влюбленными, кто из вас не терял головы, не пьянел от взора женских очей? Вырвать крылья и хвост, оставить меня без опоры хотите? Человек – дитя природы. Даже птицы и те зимой обрастают густо перьями, а летом пух жидок. Природа не способна на зло. Птицы выют гнезда заранее. Благородные сыновья становятся родоначальниками. Иногда сердца молодых опаляются от страсти, эти согрешения – не прелюбодеяние... Пусть простит милосердный и милостивый Аллах! Вина иной раз служит Каабой для покаяния.

Люди, встревоженные происшествием и не желавшие насильственной смерти юному Калкаману, пострадали Анет баба. Две стороны долго не могли прийти к соглашению.

Наконец-то приговорили Калкамана к наказанию через испытание стрелой. «Привязать к стреле» – обречь на верную гибель: виновник должен проскакать на быстром скакуне сквозь строй лучников, стреляющих в живую мишень. Если Калкаман останется в живых, то не будет ему повторной кары. Народ знал, что Кокенай был метким стрелком, попадавшим в цель без промаха.

«О, Аллах мой, Творец всего сущего, пусть будет воля твоя, а не моя, ибо не сокрыты от тебя ни правда, ни ложь!» – такой приговор вынес со слезами в глазах верховный судья Анет баба.

На бугре близ Бориойнака, где должны были привести приговор в исполнение, собралось много народа. По древнему казахскому обычаю воины становились в круг словно под обстрелом. Если виновный останется целым и невредимым, значит, не пробил его смертный час. Если всадник погибнет от стрелы на полном скаку, его сочтут преступником.

Из толпы для исполнения приговора отделились несколько мужчин. Все они были выдавшими виды воинами, прошедшими и огонь, и воду, и агонию бесконечных войн с джунгарами, все были славными защитниками отчизны, настоящими героями, готовыми ради мести пригубить кровь врага.

Кокенай, восседавший на коне Бозшенгел, трусцой ехал к намеченному рубежу, когда ему наперерез вышел некто из толпы. Кокенай узнал юношу, отдавшего ему своего коня в одном из свирепых боев, спасая таким образом прославленного героя. Юноша приходился родней матери Мамыра.

– Кокенай ага, дат²⁵! – произнес юноша. – Волк не съест своего волчонка! Я, из рода окиреш найман, заявляю, что для тебя будет слишком тяжким бремя двух смертей, если казнишь собственноручно и второго из родственников, батыр! Люди протестуют против гибели молодых. Мой давний предок Кишилик сражался против грозного Чингизхана и не испугался врагов. Батыр, нельзя убивать парня из-за любви к девушке. Он не кровный твой враг!

Кокенай промолчал.

Калкаман ответил резко своим близким, что не будет просить пощады и не нуждается в помиловании. Анет баба благословил Калкамана открытой ладонью. Старец с чистым сердцем помолился о своем племяннике, он всей душой просил Всевышнего отвести смертельную опасность.

В это время вдалеке в уединении убогой лачуги играл на кобызе шаман. Звуки кобызы напоминали несмолкаемые стоны.

Калкаман вспоминал лучшие беззаботные дни, когда верхом на коне, не утолив жажду, залпом выпивал медовый напиток.

Юноша надел кольчугу, без всяких колебаний решив стать живой мишенью, покорившись судьбе. Со стороны казалось, что смерть манит его своим таинством. Перед суровым испытанием он вспомнил завет Анет баба: «Джигит в молодости должен быть храбрым, действовать бесстрашно, быть наготове жертвовать собой, и всегда поступать так, как велит его честь. Если умрешь – смерть не страшна, если останешься жив – станешь настоящим мужчиной. Человек, пока не увидит воочию, что уготовано ему на свете, – не сойдет в могилу».

Давным-давно в устье Сырдарьи в Косарале скончался Орманбет бий. Многочисленные племена ногайцев были тогда разорены из-за потери своего вожака. На горизонте были окутаны маревом застывшие курганы.

Проскакал Калкаман на коне. Одновременно выстрелили лучники. Все девять стрел пролетели мимо. Жалко было воинам отдавать цветущего юношу сырой земле. Серые глаза Кокенай смотрели угрожающе свирепо, вид у него был неумолим и грозен. Кокенай, крепкий мужчина богатырского телосложения, словно выросший из спины коня, потягиваясь, грациозно натянул тетиву. Просвистевшая на лету стрела вонзилась в Калкамана, он на миг покачнулся в седле, наклонившись набок, и едва не упал, но, схватившись за гриву своего коня, унесся вдалеку.

²⁵ Дат – уст. апелляция, жалоба, претензия к кому-либо.

Родная сестра Калкамана в мужском одеянии стояла в толпе, с бьющимся сердцем наблюдала за происходящим. «Дурной сон – до обеда», – приговаривала она и свято верила в то, что брат останется жив.

– Почему Кокеная не принял верные слова потомка племени найман, чей непокорный предок сражался до смерти с Чингисханом, завоевавшим полмира? Что на уме у Кокеная? – тихо прошептал один молодой воин своему товарищу. – Юноша, не боясь ярости грозного Кокеная, просил пощады для своего ровесника, чтобы не оборвалась молодая жизнь.

Тобыктинцы шумно ринулись вслед за Калкаманом, пустились вскачь всей толпой, громко и радостно крича родовые кличи «Ак жол!», «Маябоз!». Стрела расколола переднюю луку седла и попала в бедро, слегка задев кость. Калкаман простонал, как дикий зверь, и умчался на расстояние стрелы, не дав себя догнать. Вдалеке он остановился и слез с коня, затем резко отрезал боевым ножом конский хвост. Это был знак душевного отчаяния, проявления смертельной обиды, отчуждения, отречения от своего рода.

Сородичи приостановились, будто в лоб ударили плетью. Это было явным жестом разрыва и ссоры. И всадники понуро повернули назад. Тем не менее еще двое не отставали от него. Это были верные друзья Калкамана из рода найман и канжыгалы, выросшие вместе с ним.

Издrevле казахский воин берет в поход двух коней: на одном сидит верхом, другого ведет в поводу. Отчаянная сестра Калкамана отправила отважного Итбаку вслед на выносливом коне, без седла и верховых сбруй, уложив груз в тюк и наполнив коржун продуктами, сушеным творогом, копченой грудинкой, кониной, положила два бурдюка с питьевой водой, кремнем, кустарником таволги для розжига.

Пустившись галопом, рыжий конь мальчика поскакал к Калкаману. Тот сидел молча в безлюдной степи. Разорвав рубашку, завязывал кровоточащую рану. Рыжий конь подошел ближе, обнюхал шею Калкамана, и за воротник раненого закапали крупные лошадиные слезы.

– Нельзя от своих отбиваться, нельзя оставлять родные места. Это равносильно безумству. Отступи от своего намерения, не уходи! – через силу проговорил Итбака. – Если ты, Калкаман, уедешь, не оглядываясь назад, другие сочтут тобыктинцев черствыми и жестокими. Такая, брат, молва пойдет. Ты прошел сквозь смерть – ты герой! Но разве мы не принадлежим своему народу, своей земле?

– Я умер для тобыктинцев, вот мой конь, одетый в траур. Итбака, пусть и меня отпевают как умершего, как тебя отпевали при жизни, пусть в ауле поднимут траурный флаг на копьё! – принес Калкаман, заикаясь, будто язык у него отнялся. – Нет у меня больше родни, нет отчизны. Не стану никого проклинать, но в груди горит огонь. Меня принародно отправили на верную смерть. Не забыть эту скорбь, не забыть! Я в печали. Пусть меня никто не ищет. Так и передай!

Калкаман надел свой серебряный пояс, сел на коня, взял другого за повод, и силуэт человека с двумя лошадьми исчез в голубом горизонте, покрытом дрожащей, мутной белизной воздуха.

Холмы в степи не кончались. И обида нестерпимо теснила грудь в дороге. Степь благоухала, буквально утопала в густой зелени. Повсюду резвилось зверье. В небесном зените самозабвенно пел жаворонок. Невесомо парил орел. Лето было в разгаре.

В ауле одна из молодых снох, волоокая вдова, причитала по Калкаману, украшая плач песней: «Конь, оторванный от своего косяка, тоскуя по нему, прядает ушами. Мужчина, тоскуя по родине, седлает коня! Есть ли земля, равная Сырдарье? Есть ли племя, равное тобыкты? Доблестный Калкаман, лучший из лучших, его уже нам не видать! Хоть убей, всё равно он больше не вернется на родину! Взойдет на Млечный путь безвозвратно. Когда текут вешние воды, когда роща зеленеет, когда возвращаются перелетные птицы из дальних стран тогда и жизнь мила молодой душе. Не придет одетый в саван, но вернется ли живой, одетый в кебенек²⁶?!»

Взяв в проводники Полярную звезду, Калкаман отправился с запада на юго-восток, на родину матери. Мать Калкамана Калдыкыз была дочерью из рода шапырашты старшего жуза. По древнему обычаю казахи женятся на девушках за семью реками. Родной брат матери Айкым обитал на северном склоне горы Алатау.

В лощине, до которой герой добрался из последних сил, паслись джейраны. Это было последнее, что юноша увидел наяву. От кровотечения он потерял сознание и упал, изнемогая в травах бесплодной степи. Начался сильный жар, дрожь охватила тело, раненый провалился в забытие.

Когда Калкаман очнулся, ему вдруг показалось, будто кто-то наклонился над ним. Наяву или во сне? Наклонившийся был в огромной белой чалме. Калкаман резко поднял голову с сырой земли, обеспокоенный судьбой своих коней, но мужчина в чалме придержал его рукой: лежи, мол! Неужто это тот бродячий дервиш?! Мужчина принес листья щавеля и положил на рану. Потом опустился на колени, распустил длинную чалму на голове. Белая ткань расплелась и породила мысли о саване.

– Скажу, помянув пророка Мухаммада, это моя бязь, приготовленная для собственных похорон. Да будет доволен Аллах, говоря, что один из сорока есть пророк Хызыр. Ты недаром встретился на моем пути. Аулие²⁷ есть любимый раб Аллаха. Во сне мой покровитель Баба Тукти Шашти Азиз известил о твоей беде. Целебные травы помогут тебе. Но скажи, почему ты бродишь одиноко в бесплодной степи?

– Мертвец не выбирает, где ему лежать. Если я умру, пусть моя могила будет вдалеке от моей родины! Я однажды уже скончался, вряд ли умру во второй раз.

– Ты едешь, словно рыщешь, как некогда Кете²⁸ из Сырдарьи, со стороны Саурана? Мужчина пройдет через испытания, – сказал старик и пристально посмотрел на его родовую тамгу. – Пусть будет благополучным исход. Добрый молодец, как и волк, найдет себе пропитание в пути. Одолеешь перевал – и увидишь аул. Там тебя вылечит костоправ.

Холод окутывал и омрачал душу Калкамана с тех самых пор, как он покинул сородичей. Этот холод и не думал рассеиваться, как слепой туман. Любой встречный, будь он хоть убийцей или ангелом смерти, не вызывал у Калкамана страха, он смирился. На закате оба ели жаренное на костре мясо, погружая кусочки в соль. Пили кумыс из бурдюка.

²⁶ Кебенек – верхняя мужская одежда из войлока, типа бурки.

²⁷ Аулие – покровитель, святой.

²⁸ Кете – имя человека, впоследствии ставшее названием рода.

– В северных дремучих лесах обитают племена с волосами цвета соломы, – говорил Калкаману его спаситель. – Когда лесному человеку с голубыми глазами, напоминающими гладь озера, ночью покажется Полярная звезда, что как лось стоит головою на восток, тогда ты наверняка достигнешь аула своих родичей из старшего жуза.

Калкаман по дороге ловил петлей косуль, мякоть кусками поджаривал на медленном огне. На склонах Алатау течет много родников и извилистых горных речек, и путник утолял жажду. Чуть ли не на каждом камне гордо стояла дикая горная коза с двумя детенышами, во множестве обитали горные бараны-архары и козероги.

Земля и небо порой сплетались. В прозрачном чистейшем воздухе растекалось благоухание. Сладко-медовый запах, некое сказочное благовоние, неведомый аромат исцеляли юношу и возвращали силу.

Откуда на земле райский сад, откуда плодовые деревья, числом вряд ли уступающие звездам на небе? Калкаман въехал в густые первозданные заросли яблонево́й рощи, обнимающие широким зеленым поясом долины гор. Под Полярной звездой, освещавшей по ночам дорогу, под крупными звездами Млечного пути Калкаман не заблудился и достиг аула родного дяди по материнской линии Айкыма.

Прошло с тех пор двенадцать лет. Если Полярная звезда не сорвется с неба, тобыктинцы выйдут на поиски Калкамана. Год тяжкого джута²⁹ препятствовал светлому замыслу сородичей. Беда не приходит одна. На следующий год внезапное нападение врага не дало осуществиться заветной цели. Много воинов полегло в неравной войне. Оставшиеся в живых спаслись бегством. Битва называлась в народе Актабан шубырынды, алакол сулама³⁰.

Войска старшего сына джунгарского правителя Цэвана Рабдана Галдана Цэ-рэна окружили казахов, обложили со всех сторон, подобно семиглавому дракону, истребили и воинов, и мирный народ. Животы беременных женщин рассекали кортиком, грудных младенцев подбрасывали на штыки копий и пронзали насквозь.

Джунгарские войска были снабжены огненным оружием со свинцовыми пулями. У защитников родных аулов в те времена были лишь копья, сабли, секиры и луки. Уцелевшие части войска казахов отошли с невосполнимыми потерями. Наступило черное лихолетье.

В безлунные ночи в окрестностях завывали голодные волки. Люди прятались и ютились во времянках, покрытых сайгачьими шкурами. Народ кормился кореньями, запивая их березовым соком.

Эту беду народ прозвал «Кайын сауган» – «дойка березы». Казахское дитя напоминало детеныша косули. Женщины плакали навзрыд: «О, мой бедный народ!»

На войне со шведскими войсками казна русского царя истощилась. И тогда он приказал искать золото на востоке. По приказу Петра Первого, прежде чем построить крепости и укрепления на окраинах страны, на рубежах с кочевниками, в широкую степь отправились ученые и сыщики. Именно так огромное русское

²⁹ Джут – массовый падеж скота от бескормицы и голод, вызванный этим.

³⁰ Актабан шубырынды, алакол сулама – ист. Так называли великое бедствие, постигшее казахов в 1723 г. вследствие джунгарских набегов.

государство столкнулось с восточным миром – джунгарами, ойрат-калмыками, западной ветвью монголов. Многочисленным племенам стало тесно на земле.

Кочевой народ нуждался в просторах для пастбищ. И джунгары-ойраты грозно двинулись в сторону казахских просторов.

Территории между Иртышом и Ишимом были разгромлены и вытоптаны несметной джунгарской конницей. Пыль из-под копыт лошадей и дым от пожарищ заволокли небо, и солнце не могло пробиться своим лучом сквозь сплошную завесу. Тайные караваны из Коканда, Хивы и Бухары перевозили оружие джунгарам. И царские подданные приторговывали ружьями, а пленный швед³¹ отлил пушки. Сжималась петля на горле казахского народа. Будто бесы сговорились вывести весь род и стереть с лица земли.

Когда разбойная орда множится, сметая всё живое на пути, нет выхода кроме бегства.

Пришедший к власти после Цэвана Рабдана правитель Галдан Цэрэн огнем и мечом утверждал мощь джунгарского ханства. Семь рек, впадающих в Балхашское озеро, завидная плодородная равнина завладели умами завоевателей. Нет хуже врага, нападающего и разоряющего вновь и вновь. На Алаколь, Зайсанское озеро, Балхашское озеро, на Сасыкколь хлынули мощным потоком несметные джунгарские войска. Черный Иртыш, река, напоминающая море, бывшая еще недавно природной границей между двумя народами, – окрасилась кровью, и воды ее заполонили трупы.

«Эй, батыры-молодцы, проклятые джунгары снова напали на нас! Герои, не плачьте о том, что вы погибнете в бою за Отчизну!» – восклицал поэт-сказитель. Под этим боевым кличем казахская конница, вооруженная лишь луками, пиками, саблями, булавами и дубинами, журавлиным клином скачет на противника, извлекая из колчана стрелы. Среди джунгарских войск немало тучных мужей, они как лоси: при смертельном риске окружения оставляют раненых на поле брани. Таков для них закон войны. Джунгары убитых не хоронят.

В 1723 году вдоль протекающей Сырдарьи, на перекрестке Актал, Каратал, на линии противостояния, Кокенай с пятью тысячами войска Средней орды построил заграждение и не пропускал врага, пока дети, женщины и старики не перевалили горы Каратау в сторону реки Яик, спасаясь от угрозы истребления. Геройски погибли шестеро сыновей Кокенай и пятеро сыновей Анет бабы.

Отныне джунгары не станут угонять скот и пленников, а будут убивать всех поголовно. В земляных очагах, под казаном, перевернутым вверх дном, где в кучу сложено множество трупов, отчаянные матери прятали маленьких сыновей и тем самым спасали от полнейшей гибели свой род, происходивший от одного предка. Мстящий враг приказал не оставлять в живых ни одного потомка из рода Кокенай и Анет баба. Возьми они в плен хоть одного из внуков Кокенай, устроили бы настоящие кокпар-скачки, но уже не с козленком, а с ребенком, разрывая его на куски.

Из потомков Анет баба остался в живых сын Шакабай и еще младенец в утробе беременной невестки. Рожденного впоследствии младенца назвали Бакаем³², поскольку он был единственным внуком старца.

³¹ Пленный швед Юхан Густав Ренат. Ренат пробыл среди ойратов 17 лет на службе джунгарских правителей Цэван Рабдана и Галдан Цэрэна. При непосредственном участии Рената были построены артиллерийские, оружейные, горнодобывающие заводы.

³² Бакай – букв. бабка, надкопытная косточка у парнокопытных.

Из членов семейства Кокеная выжил лишь шестилетний сын Жаменке, и от него родился сын Туяк – внук Кокеная, и род его не угас.

«Умирая, не оставлю родную землю без присмотра» – так сказал перед смертью Анет баба. И остался один на бугорке, в земной колыбели, с плачем прощаясь с уходящим на запад народом. Старцу было девяносто семь лет. Стояла весенняя пора. Над головой старца курлыча пролетели журавли. Останки Анет баба во время краткого затишья Кокеная перенес из Кошкар-ата в Туркестан и похоронил рядом с мавзолеем Кожа Ахмета Яссави.

Завоевательная война джунгаров длилась около двухсот лет. Несметное число казахов попало в плен. Безвинные вдовы и осиротевшие дети джунгаров переходили в стан казахских племен. С двух сторон девушки и женщины, ставшие военной добычей, впоследствии становились матерями другого народа, растили дитя чужой крови вдали от родины.

До падения джунгарского ханства два степных народа не на жизнь, а на смерть воевали друг с другом. По всей степи разбросаны останки, по всей степи высятся могильники из камней. Наступление эпохи Абылай хана ознаменовало свободу и мощь казахского народа, испытавшего великие мучения в течение двух столетий.

Среди уйсуньского племени представитель рода Аксиык Елибай, дядя Айкым, с любящим сердцем приютил родного племянника из рода тобыкты и заявил, что юноша принесет благодать. Родственники матери женили Калкамана по обычаю казахов на трех женщинах: в первые жены, по праву левирата, ему отдали овдовевшую жену павшего в бою родственника, второй стала девушка, попавшая в плен, а в третьи жены, заплатив выкуп, сосватали юную невесту.

Потомки Калкамана обитают в стороне шапырашты айкым с пятью тамгами. Если их спросят: из какого рода? – они ответят, что они родом из калкаман тобыкты.

Осталась поговорка: «Словно тяжба Калкамана и Мамыр».

Потомки канжыгалы, тобыкты, курлеуит сохранили в памяти имя Калкамана. Происходившего из кыпчаков Курлеуита усыновил некогда Кенжесопы, отец Тобыкты.

Собираясь на поминки, тобыктинцы спрашивали о Калкамане людей Старшей орды из рода каскарау. И с тех пор, когда род тобыкты переселился с берегов Сырдарьи, перекочевки не прекращались. От старшей жены Айтека родился Олжай, он имел трех сыновей: Айдоса, Кайдоса и Жандоса. Четверо сыновей Айдоса также родились в смутное время.

Сорок семейств тобыкты достигли гор Мугалджар, перевалив через подножья Уральских гор четырех рек: Ор, Елек, Ойыл и Кыыл. Вокруг слияния двух рек – Иргиз и Тургай – народ искал стойбища.

Последующие поколения трех ветвей олжая родились в перекочевках, поильных для ягнят: Иргизбай, Кенгирбай, Торгай, Топай; возле речки Котималды родился Котибак. Во времена постоянного переселения, обнищания и бедности детям, родившимся в смутное время, давали имена с меткой: Бокты (дерьмовый), Битти (вшивый), Куртты (червивый), Кылшык (волосинка). Казахи изначально обладали ясным природным умом и давали вещам, явлениям и детям имена своего времени.

В 1728 году в последнем ожесточенном бою с джунгарами погиб Кокеная. Обняв его шею, тринадцатилетний Мамай плакал: «Дядя, мой дядя!» При Нурали

хане тобыктынец Мамай был одним из главных богатырей младшего жуза. Он принял участие в освобождении казахских земель в пойме двух рек: Едиль и Яиик; Алтайских и Тарбагатайских гор, побережья озер Бейне тениз³³ и Балхаш. Мамай через пятьдесят лет привел свой народ на землю отцов, расположенную в горах, в пойме с восемью реками. На горе Киндиктау они повстречались с племенами аргын и найман, ранее достигшими благословенных мест.

Кенгирбай бий укрепил малочисленный род тобыкты, состоящий из пяти волостей.

P. S. По существу, событие с Калкаман и Мамыр произошло раньше 1723 года, есть сведения, что это случилось в 1712 году на Сырдарье. Как известно, через 200 лет известный казахский поэт, родной племянник Абая Шакарим Кудайбердиев написал поэму по этому сюжету «Калкаман и Мамыр». В 2012 году исполнилось 300 лет этой трагедии.

Перевод с казахского автора.

Айгуль Кемельбаева – прозаик, литературовед, переводчица. Окончила факультет журналистики Казахского государственного национального университета имени аль-Фараби, училась в Московском литературном институте имени М. Горького на отделении прозы. Является автором повести для детей «Путешествие на седьмой континент», сборника рассказов «Тобылгысай» («Овраг, поросший таволгой») и романа «Мунара» («Башня»). В республиканской печати опубликованы свыше ста литературоведческих статей, эссе, переводов. В книге эссе «Мәжнүн жүрек» («Неистовое сердце») автор рассматривает мировую и казахскую литературу в едином пространстве и проводит анализ происходящих в них процессов.

Лауреат Государственной молодежной премии «Дарын», премии Союза журналистов Казахстана имени Б. Булқышева, призер конкурса «Сорос-Казахстан – Дебют», победитель конкурса «Современный казахстанский роман» фонда «Сорос-Казахстан» (2000).

---

³³ Бейне тениз – старинное название озера Зайсан.

